

Автор – Толмачёв Евгений Григорьевич, Россия, г. Белгород.

Напутствие на всю жизнь

очерк

Кто-то сказал, что вести занятия приехал профессор из МГУ. И правда приехал. Тот самый профессор, написавший учебник «Жанры периодической печати», по которому учились поколения журналистов. Многие из нас, добравшихся до четвёртого курса, заволновались:

– Теперь всё, теперь заживём...

Больше всех дрожали, конечно, девчонки, шедшие на красный диплом. Мы с другом Славиком отнеслись к внезапной новости проще. Надо сказать, что в то время жизнь бросала нас на разные авантюры, или же мы сами стремились добавить судьбе ярких красок, поднять её на дыбы. Узнав из социальных сетей, что энтузиасты из Белгорода вознамерились ни много ни мало снять фильм, без тени сомнений отправились на пробы. Претендентов на разные роли просматривали в одном из клубов Белгорода на окраине. Ноябрьским морозящим, промозглым вечером мы шли подворотней, прогоняя на ходу сцену из фильма «Константин: повелитель тьмы». По сговору я был Люцифером, а Славик – экзорцистом. Злой ветер морщил лужи. Единственный фонарь жидко бросал жёлтый свет на здание клуба, рядом с которым уже наставили машин жаждущие славы обыватели. Какой публики здесь только не было! От мрачных субъектов с лицами, словно три пожизненных отсидели, до изнеженных мелированных хипстеров. В центре зала на высоком стуле гордо восседал с коктейлем парень лет тридцати – режиссёр будущего шедевра.

По жребию мы выступали восьмыми, в ожидании напившись чёрного кофе без сахара. Я был в чёрной рубашке, чёрных джинсах, как, наверное, и подобает Люциферу, и злоратно шипел:

– Привет, Джон, привет. Не думал, что ты повторишь свою ошибку... За тобой я решил подняться лично из преисподней.

Славик в синем пиджаке со страдальческим видом сидел на полу невысокой сцены:

– Что же ты так долго?

Мы импровизировали, ничуть не надеясь вызвать симпатию публики и покорить сердце режиссёра, фигура которого тонула в голубом табачном дыму. Нашему диалогу аплодировали. Но кто-то из мрачного угла очевидно из зависти улюлюкал.

На следующий день позвонил режиссёр и сказал, что утвердил меня на роль второго плана, но, чтобы стать полноправным участником съёмочной группы, нужно ещё выступить с монологом.

– Хорошо! Я представлю бессмертную классику – монолог Гамлета «Быть или не быть!?!», – на радостях сообщил я. Признаться, монолог этот меня никогда не трогал.

На четвёртом курсе пары у нас проходили во второй половине дня, и постигать новое из многообразного мира журналистики было приятно в тихом полумраке 17 корпуса университета. Так вышло, что финальные пробы и пара у таинственного профессора из МГУ им. М.В. Ломоносова выпали на одно время.

Почему-то я на пробы не пошёл.

– Ты презрел тщеславие, ты отвернулся от мечты стать кинозвездой! – подкалывал меня острослов Славик в ожидании преподавателя.

– Завидуешь молча, – ответил я, покачиваясь на стуле.

– Режиссёры ему звонят. А он не отвечает.

Пожалуй, все мы волновались перед первой встречей с Александром Алексеевичем Тертычным, профессором кафедры периодической печати МГУ. Когда преподаватель с неизменным старомодным дипломатом вошёл в аудиторию, когти волнения вдруг отпустили. Меня поразило его взгляд – добрый и проникательный, и голос – негромкий, но убеждающий.

Седой, в сером костюме Александр Алексеевич обладал превосходным чувством юмора. За две недели стал для нас настоящим другом. На занятия хотелось приходить. Он говорил с нами о жизни и кроме знаний делился житейской мудростью и опытом журналиста, повидавшего многое. Рассказывал, как, приехав в конце 60-х из Курска, поступал в МГУ, как его дипломную работу представляли на ВДНХ. Перед нами, студентами нового поколения, открывался удивительный мир студенчества прошлого с выездами в колхозы на уборку картошки, с песнями у костра и спортивными соревнованиями. Александр Алексеевич рассказывал, чем и как жила журналистика в лихие 90-е.

Мы проникли в кулуары противоречивой политики 90-х, в тайны государственных назначений, шутили, что старомодный чемодан профессора вмещает целые эпохи печатной журналистики. Александр Алексеевич доставал из него уникальные, пожелтевшие номера газет. Здесь были очерки 80-х, аналитические статьи 90-х и журналистские расследования. Он рассказал, обращаясь к трагическим судьбам некоторых московских студентов, об изнанке исследовательской журналистики...

Много внимания профессор уделял практическим занятиям, развивая наше воображение, укрепляя стиль, образность и логику письма. Он фотографировал студентов на память.

– Вас много у меня, а запомнить хочется каждого, – говорил.

Со многими общался и после того, как покидали Альма-матер. Александр Алексеевич читал мои первые рассказы, и по электронной почте присылал замечания, пожелания. В один из очередных приездов профессор рассказал, что его родственники жили в селе Зинаидино, которое в Ракитянском районе.

– Женя, ты знаешь, как туда проехать?

– Знаю, Александр Алексеевич. А вам туда зачем?

– Как с делами разберусь, свозишь, посмотреть, где родственники жили?

– Конечно!

Так и не свозил... Профессора одолела тяжёлая болезнь. Он мужественно боролся со смертельным недугом и до последних дней общался со мной по электронной почте. Вспоминаю, как, оказалось, в последнем, прощальном письме пожелал Александру Алексеевичу здоровья. До сих пор храню ответное послание:

«Дорогой Женя, трудись и станешь мастером».